

На следующее утро Гермиона открыла глаза и на мгновение не могла вспомнить, где она и как сюда попала. Затем она почувствовала пульсирующую головную боль в висках, огрубевшую кожу под глазами, которые слишком часто вытирали, и нежную растяжку недавно зажившей ладони, и все это нахлынуло с тошнотворной ясностью. Она шумно вздохнула, почему-то надеясь, что все это было каким-то ужасным, непостижимым кошмаром – вроде ярких криков Гарри, пристального, но невидящего взгляда Билла, окруженного Грюмом, зеленых вспышек, прерывавших ее сон всю ночь. Конечно, нельзя было сказать, было ли утро, поскольку они были под землей, но она могла слышать людскую суету за дверью. Фред, по-видимому, уже встал, и она могла слышать слабое потрескивание волшебной беспроводной связи.

— Ты проснулась, Гермиона? — раздался голос с койки под ней. Голос Рона был грубым и дрожащим, и он звучал так же беспокойно, как и она. Она пробормотала что-то в знак согласия и слезла со своей койки, усевшись, скрестив ноги, у изножья кровати Рона и украв его одеяло.

— Привет, — сказала она, натягивая одеяло под подбородок. Оно пахло мылом, которым он пользовался, и на мгновение она была ему благодарна за эту маленькую консистенцию. Какие слова можно использовать, размышляла она, когда это явно не доброе утро, а доброго утра может не быть никогда? Молчание между ними было чревато неловкостью и душевной болью.

— Привет, — наконец ответил он хриплым голосом, и она заметила фиолетово-голубые круги под его глазами, которые, казалось, запали в его голове. Его огненно-рыжие волосы были взлохмачены и, казалось, высосали всю краску из бледного осунувшегося лица. Он вдруг стал выглядеть намного старше своих лет. Какая-то судорога пробежала по его плечам. — Значит, не сон? — спросил он, садясь и уткнувшись подбородком в колени.

Гермиона задавалась вопросом, собираются ли слезы поселиться у нее за веками. Она покачала головой. — Нет, — выдавила она, проталкивая слова сквозь горячий, болезненный ком, скручивающийся в горле. «Это не сон». Его тело немного поникло, как будто она сказала ему что-то слегка разочаровывающее, вроде плохой отметки на экзамене.

— Я... я как бы надеялся, что это так, — вдруг признался Рон, шумно втягивая воздух. Слезы наполнили его глаза и потекли по щекам, по-видимому, без его ведома. «Мама... она была... она...» Его голос был едва различим из-за эмоций.

- Рон, - Гермиона сочувственно положила одну руку на его руку, другой рукой стряхивая влагу со щек. «Тебе не обязательно говорить мне. Я знаю, как это больно». Он провел обеими ладонями по щекам и моргнул, как будто не видел ее раньше.

— Верно, — глухо сказал он. "Я забыл." Гермиона не удивилась, но и не винила его после того, через что он прошел. Ее родители были убиты в конфликте так рано, что казалось, будто это было много лет назад, хотя на самом деле прошло всего несколько месяцев. Если бы я не была у Дурслей с Гарри и Роном прошлым летом, подумала она, зная, что ее судьба была бы такой же, как у ее родителей.

Когда Ремус и миссис Уизли появились у парадной двери дома № 4, Гермиона знала — знала

это, как ужасную, гнетущую уверенность в плохих новостях, которую получаешь, когда внезапно звонит телефон в 2:30 ночи или когда полицейская машина въезжает на подъездную дорожку без видимой причины. Она не плакала, не тогда, не перед Роном, чьи голубые глаза были широко раскрыты и скорбны, даже когда он переминался с ноги на ногу, выглядя суетливым и неуверенным. Тогда она не плакала перед Гарри, хотя дрожь пробежала по ее стройному телу, когда он нежно положил руку ей на плечо. Его лицо было напряженным, изможденным, злым и... глубоко виноватым.

Она практически могла читать мысли, проносящиеся в его голове. Это все моя вина. Рядом со мной убивают людей. Ей было бы намного лучше, если бы она даже никогда не встречалась со мной. Все бы так. Тогда она повернулась к Гарри, когда все были готовы утешить ее, ожидая, что она скажет или сделает что-то, чтобы они могли отреагировать, и посмотрела на него горячими, яростными, сияющими, темными глазами.

— Это не твоя вина, Гарри. Я никогда не забуду, что Волдеморт сделал с моей — с моей мамой и д — папой. Но я никогда не прощу ему того, что он сделал с тобой. Их глаза встретились тогда, мерцающие, полные слез взгляды, полные рефлексивной агонии.

— Я... мне очень жаль, — прохрипел Гарри, едва способный говорить, и она не ответила, а просто протянула руки.

И тогда они оба прижимались друг к другу, оба плакали, оба уверяли друг друга, что как-нибудь все получится, что как-нибудь у них все получится. В конце концов, он был Мальчиком-Который-Выжил, а она была Самой Блистательной Ведьмой Своего Времени.

У Гермионы вырвался насмешливый фырк, а растерянный взгляд Рона вернул ее в настоящее.

— Прости, Рон, — пробормотала она, на мгновение закрыв лицо обеими руками, а затем снова моргая. — Я просто думал о том дне, о том дне, когда Ремус и твоя мама пришли — пришли и рассказали мне, что... что... что случилось.

"Я был довольно бесполезен в тот день, не так ли?" — сказал Рон, один уголок его рта изогнулся в мрачной улыбке. — Я боялся, что ничто из того, что я мог бы сказать, не было бы... вообще не утешило бы вас. И теперь, когда — теперь я — я думаю, теперь я знаю, что ничто из того, что я мог бы сказать, не сделало бы его лучше. Он снова посмотрел на нее, и она протянула руку и взяла его руку в свою. «Немного ошеломляюще, правда, как же это больно», — продолжил он почти клинически отстраненным голосом. «Как будто ты удивлен, что тебе все еще нужно есть, дышать и пользоваться туалетом. Как будто все должно было прекратиться, потому что ты чувствуешь себя таким... таким...» Внезапно он появился, пораженный своим обнажением души, и резко остановился.

"Замерзший? Онемевший?" — бойко добавила Гермиона, вопросительно приподняв брови.

— Ага, — сказал Рон, рассеянно двигаясь большим пальцем по тыльной стороне ее ладони. Его взгляд казался очень далеким. «Она была... она сбивала Джинни с пути каким-то проклятием —

я даже не знаю, что это было. Джинни все еще кое-что досталось, но мама... мама приняла на себя основной удар». Его лицо снова было мокрым, но он, похоже, этого не замечал. «Она... она была жива какое-то время, но она... она... она просто перестала дышать. Я слышал, как она умерла».

— Рон... — попыталась Гермиона смазанным протестующим голосом, но Рон перекрикнул ее, как будто необходимость сказать кому-то была чем-то гнилым, от чего он чувствовал себя обязанным избавиться, и она позволила ему.

«У меня была... у нас была Карта Мародеров», — сказал он, и она кивнула, говоря, что знает. «Гарри дал мне его прямо перед тем, как все разошлись. Я смотрел на него все время. А потом я обжегся и уронил чертову штуку. Они просто появились из ниоткуда. Ремус исцелял меня — мы остановились в дверном проеме — когда это случилось». Гермионе не нужно было спрашивать, что «это» было. Все его лицо было немым свидетельством той бессильной ярости и беспомощного отчаяния, которые он чувствовал в это время. «Я должен был наблюдать, я должен был обращать внимание. Это было только на мгновение, но... но...» в этот момент ты потерял все. — закончила за него Гермиона. Она подумала о своем беге в лес, когда Гарри не последовал за ней, о гнетущем, горьком отчаянии, которое пронзило ее, словно ядовитые когти, когда она увидела Пожирателей Смерти, ведущих его на холм.

— Не вини себя, Рон, — машинально произнесла Гермиона. «Все это потому, что Волан-де-Морт решил сделать, а не из-за того, что ты сделал или не сделал. Твоя мать любила тебя, всех вас. И она скорее умерла бы, чем увидела, что что-то случилось с ее детьми».

«Я знаю, Гермиона. Я имею в виду, с моей... с моей головой, я знаю, что ты права. Но я все еще... я все еще чувствую себя такой...» такой чертовски виноватой, она снова закончила за него, когда он неуклюже остановился. .

Наступило долгое молчание, пока они вместе сидели на узкой кровати, переплетя пальцы. Лицо Рона превратилось в мучительную маску боли и отчаяния, глаза закрыты, онемели, остекленели. Гермиона вытерла уголком простыни свои нежные припухшие глаза и подумала о Гарри.

"Как ты сделал это?" — хрипло спросил он ее, его голос звучал навязчиво в почти полной тишине. Он удобно лег на уши Гермионы, словно мягкое одеяло небытия. Она вопросительно посмотрела на него, и он продолжил. «Как ты переживал каждый день? Ты потерял родителей и мир, в котором ты вырос. Теперь единственный другой мир, который ты когда-либо знал, тоже исчез. Это было довольно легко, подумала Гермиона, когда у тебя не было выбора. Она села на мгновение, обдумывая его слова. После поспешных переговоров с Гарри, Тонкс и Ремусом волшебникам было несложно найти улики в тлеющем некогда аду, который когда-то был домом Грейнджеров. Она не ожидала, что это надолго одурачит кого-либо в волшебном мире, но, по крайней мере, это убережет других членов ее семьи от опасности, если они почувствуют необходимость или желание взять ее с собой. .

"Это еще не конец. Этот мир не ушел. Мы все еще можем сражаться! Вот как ты проживаешь каждый день, зная, что люди нуждаются в тебе, чтобы сражаться за них!" — сказала Гермиона,

стараясь казаться сильной, но это было больше похоже на то, что она умоляла Рона, особенно когда ее голос сорвался посреди ее заявления.

— Это несбыточная мечта, Гермиона! — сказал Рон мертвым голосом, отчего хрупкое сердце Гермионы еще больше сжалось. «Мы могли бы с таким же успехом сражаться, но мы не победим. Гарри был тем, кому было предсказано уничтожить его, а он этого не сделал. Волдеморт победил! И все потеряно». Гермиона начала рефлексивно качать головой еще до того, как Рон закончил говорить.

«Нет. Нет, он не ушел. Перестань говорить о нем в прошедшем времени, как будто он мертв».

«Темный Лорд забрал его. Он мертв!» Гермиона моргнула, ошеломленная и разъяренная. Она не думала, что когда-либо слышала, чтобы кто-нибудь из членов Ордена, кроме Снейпа, называл Волдеморта «Темным Лордом».

Смирись с этим, Гермиона. По всей вероятности, он мертв. Ты знаешь что! Практичная Гермиона, которая недавно была погружена в Эмоциональную Гермиону, снова завладела авангардом ее сознания. Он не может быть мертв. Он не может быть мертв. Что я буду делать, если он мертв? Эмоциональная Гермиона бессвязно подумала. Что вы имеете в виду, говоря: «Что я буду делать?» — насмешливо сказала Практичная Гермиона. Разве не все вместе? В ее груди нарастала волна боли и стеснения, результат неожиданной эмоции, которую Гермиона не могла или не была готова определить в тот момент. Она крепко подавила его.

Он стоял посреди каменной комнаты, в центре светящегося зеленого кольца, врезанного в влажный пол. Один глаз был опухшим, и все его лицо было покрыто коркой крови. Он смотрел в землю, но вдруг поднял глаза, и в его здоровом глазу еще мелькнуло неповиновение, которого не было видно в его позе. Гермиона узнала этот взгляд; это было то же самое, что он получил, когда Малфой оскорблял магглорожденных, или когда он заметил снитч. Это был его взгляд «никогда не говори умереть».

И он смотрел на нее.

Она внезапно и громко ахнула, хрипя, задышавшись, слово: «Гарри!» когда она выдохнула.

— Гермиона, остановись! — с силой сказал Рон, его голос был сердитым, но его глаза все еще были мокры от слез. «Это и без того тяжело...» Она вдруг встала, сцепив и переплетя руки вместе — ее пальцы вдруг стали холодными и липкими. Она двинулась в нескольких разных направлениях, сказав:

«О... о...» про себя, прежде чем она, наконец, бросилась к двери, бормоча что-то неразборчиво себе под нос. Она чувствовала жар на своих щеках и возбуждение, пылающее в ее глазах, и была более чем уверена, что выглядела полусумасшедшей.

Она бросилась в военную комнату, где Тонкс, Ремус, МакГонагалл и Фред столпились вокруг

карты в дальнем углу. Они тихо разговаривали, указывая на разные места на карте, куда Ремус натыкал на них маленькие булавки с флажками. Черные булавки были в Хогсмиде и Хогвартсе, и — Гермиона с некоторой тревогой заметила — еще в нескольких местах, одно в Лондоне, которое, по мнению Гермионы, должно быть самым Министерством.

— Что... что... — пробормотала она, когда все подняли головы и увидели, как в комнату входит ее карамболь. Ни один из них не выглядел так, будто вообще спал. Появился Ремус, как он часто делал на следующий день после трансформации, и волосы Тонкс свисали длинной, тусклой, неряшливой косой на спину. — Как Джинни? — выпалила она.

— Наступило некоторое улучшение, — мягко сказала МакГонагалл, хотя ее острые глаза все еще изучали лицо Гермионы. «Я пытался связаться с Поппи, но связь хромает, и мы до сих пор не знаем, за чем следят».

— Но в Сент-Мунго?.. — спросила молодая женщина.

«Я ходил туда этим утром — использовал мантию-невидимку Гарри, — вставил Фред. — Казалось, все еще работает как обычно, но она определенно прикрыта Пожирателями Смерти. место.»

"Гермиона!" — закричал Рон, наконец ворвавшись в комнату позади нее. "Что, черт возьми, происходит?" Только когда она увидела растерянное выражение беспокойства, смешанного с извинением и отчаянием на его лице, она почувствовала сожаление по поводу того, что просто так убежала от него. Он слишком недавно и слишком хорошо усвоил, что ничто не должно приниматься как должное.

— Они только что рассказывали мне о Джинни, — произнесла Гермиона тихим, спокойным голосом, и внимание Рона тут же отвлеклось.

— Она будет в порядке? — сразу спросил он.

«Мы не можем доставить ее в больницу Святого Мунго», — сказал Фред своему последнему оставшемуся брату. «Профессор МакГонагалл пыталась связаться с мадам Помфри». Рон смотрел то на себя, то на своего старого профессора, взглядом, который ясно говорил: «Итак, в чем проблема?» Гермиона смотрела на него с горьким весельем; несмотря на все его твердые утверждения о том, что их мир был необратимо уничтожен, он все еще не понимал, что именно это означает.

— Давай, Рон! — устало сказал Фред, прочитав взгляд так же легко, как и Гермиона. «Почта Совы полетела к чертям. Мы едва можем использовать камин, потому что не знаем, кто наблюдает. То же самое касается и аппарации в любом месте. Кажется, каждый чертов Пожиратель Смерти, который когда-либо брал Темную Метку, бродит по Волшебному Лондону, в том числе прямо над ним. наши собственные окровавленные головы!» Он указал на потолок для выразительности, и Рон побледнел. «Они уже схватили Гарри, и угадай, кто следующий в списке самых разыскиваемых Волдеморта?» Он многозначительно посмотрел на двух

оставшихся членов Трио, и Гермиона вздрогнула, как будто он физически ударил ее.

— Мистер Уизли! — сказала МакГонагалл несколько укоризненно, но суровая убежденность, обычно присутствовавшая в ее голосе, заметно отсутствовала. Фред замолчал, выглядя в основном извиняющимся, хотя вспышка «ну, это правда!» все еще было видно в его глазах. Рон наконец-то заметил черные точки на карте, и Гермиона наблюдала, как его взгляд перебежал с одной на другую.

— Они захватили Министерство? — хрипло спросил он, его кадык подпрыгивал вверх и вниз, когда он с трудом глотал. Трое взрослых в комнате — все еще казалось претенциозным считать себя и Фреда взрослыми, смутно подумала Гермиона — обменялись встревоженными взглядами, и Ремус, наконец, коротко кивнул. Рон ждал, что кто-нибудь предложит больше информации, но никто этого не сделал. "Папа?" — наконец ткнул он, держась неподвижно, как будто готовясь к удару. — Перси? Он звучал так, как будто в его легких не хватало воздуха, чтобы даже прохрипеть это слово. Гермиона предположила, что думать о своем брате как о великом мерзавце было совсем не то, что на самом деле желать, чтобы с ним случилось что-то плохое.

— Со вчерашнего дня из Министерства не было никаких сообщений, — наконец сказала Тонкс, видя, что больше никто не собирается говорить. «Я пытался — просмотрел все протоколы безопасности, которые у нас есть, но не получил никакого ответа».

— Значит, он мертв? — сказал Рон, и его интонация больше походила на утверждение, чем на вопрос. Гермиона наблюдала, как горечь возвращается в его глаза со всей силой и неизбежностью приливной волны.

— Мы этого еще не знаем! — рявкнула Гермиона, подойдя к нему, отчаянно желая, чтобы он не потерял всякую надежду. «Мы еще мало что знаем. Мы все еще живы и...»

"Больше жаль!" — вмешался Рон, его глаза сверкнули сердитым горем.

— И пока есть жизнь, есть и надежда, — сбивчиво закончила она, голос ее стал очень тихим и неуверенным, когда она осознала крайне неприятную банальность своих неуместных слов. — Это то, что мой... это, во всяком случае, мой папа говорил... — она замолчала, неподвижно стоя посреди комнаты, чувствуя себя несколько увядшей. Руки Рона свободно свисали по бокам, и он, казалось, был поглощен своими ботинками. Он тяжело вздохнул и не хотел смотреть на нее. Напряжение в комнате было густым и невыносимым, столь же болезненно очевидным, как и отчаяние, которое исходило от каждого лица.

"Что такое зеленые булавки?" — спросила Гермиона, и ее хриплый голос упал, как осколки разбитого стекла, в тишину комнаты. Тонкс откашлялась.

«Это идеи возможных убежищ», — сказала она. «Красные — это те, которые уже разоблачены». Гермиона подошла ближе к большой карте и увидела, что Оттери-стрит-Кэтчпоул отмечена красной булавкой, как и Годрикова впадина и площадь Гриммо. Затем ее

внимание привлекла еще одна булавка. Он отметил последнее известное местонахождение Волдеморта и только что проткнул букву «g» в Литтл-Хэнглтоне. В более светлые дни кто-то, то ли Фред, то ли Джордж, заколдовал слишком большой череп на острие булавки, в которую периодически ударяла молния и издавала тихий визг.

Какое-то время она смотрела на булавку, глядя на нее широко раскрытыми, торжественными глазами, гадая, все еще ли Волдеморт в доме Риддлов. Она полагала, что более вероятно, что он уже давно направился в другое место, тем более что их разведывательная информация о Волдеморте, как правило, была очень устаревшей и неточной в отношении точности.

"С чего мы собираемся начать?" — спросила она, не сводя глаз с булавки в виде черепа. Последовала минутная вспышка, когда молния ударила ему между глаз. Гарри, подумала она. Ужасно, как даже эта маленькая шутка об Уизли была болезненной сейчас.

«Ну, на скале в Корнуолле есть заброшенный дом, — сказала Тонкс. «Он большой, и его легко защитить, чтобы никто не заметил. Никто не мог бы и подкрасться к нам; это очень удобно для обороны». Гермиона покачала головой; Тонкс неправильно поняла ее слова.

— Нет, я имею в виду, где мы начнем искать Гарри? Она протянула руку и рассеянно потрогала булавку с черепом. Тишина стала неловкой и тяжелой. Глаза Ремуса выглядели особенно слезящимися.

"Гермиона!" Рон начал снова, но Фред взмахом руки остановил его.

— Гермиона... — попыталась Тонкс, ее голос был заметно мягче, чем у Рона. По этой причине это также раздражало Гермиону. Пока она говорила, аврор начала отмечать что-то на ее пальцах. «Мы... мы должны связаться с другими членами Ордена, которые еще могут быть живы. Мы должны установить линии связи. наш следующий шаг будет состоять в том, будет ли еще существовать какое-либо правительство, если министр вообще еще жив. Мы...

— Ты имеешь в виду, что у тебя нет времени помочь Гарри, — произнесла Гермиона, упрямые слезы навернулись на ее веки, когда она каменно посмотрела на карту Англии. Слова «Маленький Хэнглтон» расплывались и колебались в ее взгляде.

Позади нее послышалось шипение воздуха, когда Тонкс вздохнула. Гермиона практически чувствовала, как она обменивается вопросительными взглядами с Ремусом и МакГонагалл.

— Если бы были хоть какие-то признаки того, что Гарри жив... — начал Ремус неуверенно. — Гермиона, ты же знаешь, мы бы сделали все, чтобы спасти его. Она молчала, ее плечи были расправлены, спина напряжена, руки сжаты в кулаки по бокам. Она вздрогнула и расслабила руку, когда ее ногти болезненно впились в недавно зажившую ладонь. «Гермиона, я любил его, как будто он был моим собственным сыном!» — наконец воскликнул оборотень, в его голосе слышались разочарование и печаль.

Тут Гермиона повернулась к нему. — Хватит говорить о нем в прошедшем времени! — закричала она, ее голос чуть не истеричен. Она взяла себя в руки, как и прошлой ночью, и заставила себя продолжить твердую речь. «Гарри все еще жив. Я знаю это». Волнение, которое она испытала минуту назад, когда пришла к выводу, что причина, по которой она видит Гарри, в том, что он все еще жив, снова загудела в ней. Она сердито посмотрела на каждого из них по очереди, ее глаза были полны ярости, словно лужицы скрытого огня. Она сказала это так решительно, как Гермиона, что глаза Фреда загорелись, а Тонкс бессознательно сделала шаг вперед.

"Откуда вы знаете?" — спросила Тонкс. Гермионе показалось, что она увидела узкий розовый блик в косе, перекинутой через плечо.

«Потому что, если бы он умер, я бы знала! Я бы смогла почувствовать это, если бы его... здесь больше не было», — сказала она, приложив руку к сердцу. Она увидела, как все в комнате немного поникли, как будто ответ был разочаровывающим, а не таким, как они ожидали. Блики в волосах Тонкс, должно быть, были игрой тени, потому что, когда Тонкс переместила свой вес, они исчезли. Рон просто смотрел на Гермиону, как будто никогда не видел ее раньше.

— Гермиона, это... это не совсем то, что мы можем... взять с собой в банк, — сказал Фред, и его нехарактерно мягкий и покровительственный голос одновременно раздражал и раздразнял ее.

«Говорю вам, он жив! Он всегда отдавал все, что у него было, чтобы помочь вам, и он не заслуживает того, чтобы его так быстро бросили!» — сказала Гермиона, хлопнув ладонью по столу так сильно, что Фред и Тонкс подпрыгнули, и она вновь открыла рану на ладони. Она зашипела от укола боли, который внезапно пронзил ее ладонь, как дюжина крошечных иголок, и рассеянно потерла большой палец о кровь, которая начала размазываться по ее руке.

— Зачем Волдеморту оставлять Гарри в живых? — спросил Люпин, выглядя таким пораженным, каким она его никогда не видела. «Он сделал все, что мог, чтобы убить Гарри за последние семь лет!»

"Это его момент триумфа!" — сказала Гермиона с ноткой сарказма в тоне. «Возможно, он хочет насладиться этим! Я говорил вам вчера вечером, что захват Гарри — это финальная игра. Но подумайте об этом, Гарри мешал Волдеморту почти восемнадцать лет, побеждал его, когда он был малышом, когда он был юным волшебником, едва учившимся в школе, который ничего не знал. о магии. Гарри узнал его секрет, выследил его хоркруксы и уничтожил их. Теперь Волдеморт - одна седьмая часть души - кто знает, хватит ли у него вообще души, чтобы снова разделить? Волдеморт держит Гарри прямо там, где он хочет его, но этот выскочка - сын матери-грязнокровки все же умудрился испортить все свои планы! Ты же не думаешь, что Волдеморт не захочет заставить его молить о смерти до конца?»

Остальные в комнате стояли так, как будто все они окаменели. Гермиона задалась вопросом, было ли это из-за того, что она сказала, или из-за уничижительного термина, который она использовала. Рон заметно вздрогнул, когда слово «грязнокровка» сорвалось с ее губ.

— Это возможно, мисс Грейнджер, но все же маловероятно, — сказала МакГонагалл так твердо, как будто Гермиона все еще была школьницей. «У Волан-де-Морта не осталось подстраховки, так как Гарри уничтожил хоркруксы. Он не стал бы оставлять Гарри в живых и рисковать поражением, не тогда, когда у него сейчас столько же жизней, сколько у остальных из нас. Наиболее вероятный сценарий таков. Гарри был убит вскоре после того, как его привели к Волдеморту».

Гермиона закрыла глаза, как будто это сделало бы слова МакГонагалл менее логичными, менее вероятными. Образ кричащего Гарри снова просочился в ее голову, и она заметно пошатнулась на ногах. Другие члены Ордена ждали, пока она заговорит, ждали, пока она признает свою правоту, ждали, чтобы заключить ее в объятия утешения. Она знала, что все они любили и оплакивали Гарри... может быть, почти так же сильно, как и она.

Рубашка Гарри была разорвана и запачкана кровью. Было похоже, что у него сломана пара пальцев. Половина его лица была опухшей, багровой и гротескной, один глаз был просто щелью на избитом лице. И все же его здоровый глаз, казалось, пронзал ее разум, излучая вызов, ярость и отказ сдаться.

Она открыла глаза и резко вздернула подбородок, вызывая искры сквозь слезы.

— Я знаю, что Гарри жив, — снова упрямо заявила она. "Я видел его." Она снова вгляделась в их лица и отметила разную степень печали, жалости, неуверенности и растерянности, которые она видела на них. - А если никто из вас мне не поможет, то я сам придумаю, как его найти. Она откусила последние слова и повернулась на каблуках.

Через мгновение дверь в библиотеку решительно хлопнула.

Гермиона по привычке взглянула на свои разбитые часы и разочарованно вздохнула, вспомнив, что с опозданием на полсекунды вспомнила, что они не показывают точное время. Она понятия не имела, сколько сейчас времени, но она уже несколько часов отсиживалась в библиотеке. Она совсем не ела, и ее желудок шумно урчал, даже когда она сжимала сведенные пальцы взад-вперед, пытаясь унять боль. Они возражали против того, что долгое время непрерывно сжимали перо. Несколько футов пергамента пролетело по столу и рухнуло на пол.

Она встала со стула, со стоном выгнув спину, ее колени громко заскрипели, когда она полностью их выпрямила. Ей хотелось пойти в Военную Комнату и снова посмотреть на карту. После тщательной оценки было лишь несколько мест, где Волан-де-Морт мог держать Гарри, лишь несколько Пожирателей Смерти, у которых было достаточно обширных помещений, чтобы поддержать операцию вроде захвата мира, насмешливо подумала она. Также существовала вероятность, что Волан-де-Морт вернулся в Хогвартс с Гарри, хотя она не была уверена, захочет ли он дать Гарри хотя бы небольшое преимущество знакомой местности.

Она с тоской посмотрела на дверь библиотеки. Она запечатала его сердито брошенным коллопортом и слышала лишь пару нерешительных стуков дверной ручки с тех пор, как тем утром добровольно ушла из дома. Она откинулась на спинку стула от усталости, даже несмотря на то, что ее задница протестовала против еще одной близкой встречи со стулом, так скоро

после его передышки. Ей действительно не хотелось встречаться со всеми и их грустными, усталыми, сочувствующими манерами.

Я должна извиниться, подумала она. Есть все логические основания полагать, что Гарри мертв. Как я могу ожидать, что они поверят мне, когда все доказательства, которые у меня есть, это «я знаю, что он не умер»? Я бы тоже не поверил. Я говорю как Луна Лавгуд. Она на мгновение отвлеклась, когда подумала о Луне и Невилле, Симусе, Дине и Ханне, задаваясь вопросом, где они и все ли с ними в порядке, благословляя Мерлина, что школа уже закрыта на летние каникулы, что семиклассники уже закончили и ушли. . «Орден, вероятно, хотел бы узнать и об этом», — упрекнула она себя. Но вы хотите, чтобы они отправились на какую-то недоделанную миссию, чтобы спасти кого-то, кого уже невозможно спасти!

Даже когда она пыталась играть адвоката дьявола, она отвергала это. Нет, он жив. Я знаю это. Я знаю это, как знаю, что я жив. Эта непрощенная, незнакомая эмоция снова поднималась в ней, и она провела потными ладонями по мягкости штанов.

В этот момент снова задребезжала дверная ручка, и она услышала голос Рона, комбинация вещей, которые заставили ее вздрогнуть и покраснеть, как будто ее поймали за чем-то неправильным.

— Гермиона? Гермиона, ты можешь впустить меня, пожалуйста? Ты должна поесть, и — и мы — я хочу поговорить с тобой. Она услышала стук столовых приборов о поднос и невольно улыбнулась. Направив палочку через плечо, она открыла дверь, не глядя, ее глаза пробежались по пергаменту до последней идеи, которую она записала. Ее лицо просветлело еще больше. Да, эта маленькая капелька идеи была довольно блестящей.

Рон вошел в комнату, аккуратно балансируя между двумя порциями чая и тарелкой бутербродов.

— Я не так уж голоден, но, думаю, нам нужно поесть, — сказал он, ставя поднос, после того как Гермиона отложила всю свою работу в сторону, начав аккуратно сворачивать пергамент и складывать книги. Она обхватила руками одну чашку чая после того, как очистила пространство, и наслаждалась теплом, которое текло по ее рукам и вверх по рукам. Рон выбрал бутерброд и начал апатично ковырять корку хлеба, что прямо кричало Гермионе, что сейчас не совсем обычные времена. Она сделала глоток чая, ее пересохшее горло благодарно сжалось.

— Никто... никто не хотел тебя обидеть, Гермиона, — осторожно начал Рон, озабоченно наморщив лоб. "Они были - мы пытались - потому что мы должны..." он немного запнулся, а потом выругался себе под нос. «Черт возьми! Гарри всегда был лучше в этом дерьме, чем я». Его использование «было» все еще заставило Гермиону вздрогнуть, но она заставила себя улыбнуться.

«Ни один из вас никогда не был в этом очень искусен», — сухо возразила она, но лицо ее помрачнело, когда она вернулась к обсуждаемой теме. «Рон, я знаю, что это звучит безумно. Но если ты когда-нибудь доверял мне, если ты когда-нибудь верил в меня, я прошу тебя

поверить в меня сейчас. Я знаю, что он жив. ему не хватает». Она протянула руку и взяла его за руку широко распахнутыми умоляющими глазами. «Волдеморт мучает его, причиняет ему боль. Я видел его, окровавленного... кричащего...»

Рон беспомощно покачал головой. — Как, Гермиона? Как ты могла его увидеть?

Гермиона убрала свою руку из его, крепко сжав обе свои. Она встала, села, потом снова встала. — Не знаю, Рон, — наконец сказала она. «Я искал добрую часть дня, пытаюсь найти другие явления, подобные этому». Она виновато пожала плечами. «Он применил ко мне Легилименцию прямо перед тем, как его схватили. Может быть, это, в сочетании с сильным стрессом, в котором мы оба находились, оставило какой-то отпечаток или что-то в этом роде. Все, что я знаю, это то, что я могу его видеть!»

— Откуда ты знаешь, что это не просто воспоминание о нем? Ты много раз видел его расстроенным и обиженным, — настаивал Рон.

"Он где-то, чего я никогда раньше не видел. Рубашка у него порвана, один глаз опух. Очков нет. Он стоит в центре какого-то кольца, как силовое поле, в каменной клетка." На мгновение она казалась далекой, вспоминая детали своих видений, но затем резко вернулась к реальности, о чем говорила упрямо и вызывающе. — Это не воспоминание, Рон!

Рон внимательно наблюдал за ней. — И ты говоришь, что чувствуешь его — его?

Гермиона опустила голову на руки. «Я знаю, это звучит глупо. Я не могу чувствовать его эмоции, его мысли или что-то еще, но я просто... я могу просто сказать, что он все еще жив. Клянусь, я не выдумываю это, Рон. сумасшедший, или усталый, или в шоке... я знаю, что он жив!» Рон долго смотрел на нее, и она встретила его взгляд умоляющим, напряженным взглядом.

— Я тебе верю, — наконец сказал он, мрачно глядя на нее. Она отметила, каким невыразимо усталым и утомленным он казался, и хлестнула себя плетями самообвинения за то, что сегодня все это выплеснула на него. Она улыбнулась ему едва заметной улыбкой с закрытыми губами.

— Спасибо, — тихо прошептала она. Наступило еще одно долгое молчание.

"Чем ты планируешь заняться?" — спросил он тихим голосом, его глаза были прикованы к еще не съеденному бутерброду. Сердце Гермионы упало, когда он сказал «ты» вместо «мы».

— Я собираюсь узнать, где Волдеморт, и пойду за Гарри, — просто сказала Гермиона, как будто предлагала бакалейщику купить сахар или молоко. Их взгляды встретились в конце ее фразы, когда ее губы сложились и произнесли имя Гарри. Глаза Гермионы были темными, мрачными и полными решимости; Собственный голубой взгляд Рона был почти веселым, хотя затравленный взгляд не полностью освободил помещение. Он выглядел так, словно ответ Гермионы его не удивил, как будто он и в самом деле ожидал чего-то подобного.

— Просто скажи мне, что тебе нужно, чтобы я сделал, и я это сделаю, — наконец сказал он, протягивая руку и крепко сжимая ее руку в своей. Она кивнула в знак благодарности, и водянистая улыбка на мгновение мелькнула на ее лице. Она посмотрела на их переплетенные пальцы, и болезненная интенсивность вернулась. Казалось, она физически растягивалась от тоски, которая текла через нее, когда ее кровь текла по ее венам, настолько отчаянным было ее желание протянуть руку к... Гарри.

Она моргнула, внезапно вздрогнув, как будто ее бесцеремонно облили ледяной водой. Она посмотрела на Рона, словно отчаянно желая запечатлеть его лицо на картинке, которая без приглашения вторглась в ее разум. Рон — парень, с которым я встречаюсь почти год! Она ругала себя, как будто ее предающее подсознание совсем недавно перестало осознавать этот факт. Я люблю своего лучшего друга, я скучаю по своему лучшему другу, я хочу, чтобы он снова был со мной — мы, Гермиона, почти обезумели, чтобы отрицать это — это чувство, которое, вероятно, присутствовало довольно давно, и только сейчас она проявила достаточно внимания, чтобы это заметить. Нет-нет-нет-нет-нет! Она упрямо повторила про себя, как будто она могла запугать эмоцию из существования. Я не буду влюбляться в Гарри Поттера! Я отказываюсь!

Рон казался погруженным в собственные мысли, его голова была опущена, его глаза были каменными и отстраненными, сосредоточенными на выцветших, потертых коленях его джинсов. Она задумчиво смотрела на него, чувствуя успокаивающую близость его пальцев на одной линии с ее. Как я мог сделать это с ним? Она печально подумала, оставаясь в блаженном и ироническом неведении, что она сразу перешла от отрицания существования чувств к замыслам, что она могла бы сделать, чтобы избавиться от них. Ее большой палец слегка скользнул по коже, туго натянутой на его костяшках. Он уже столько потерял.

Она закрыла глаза и решительно покачала головой. Ситуация была неприемлемой; ее чувства были нелепы. Гарри пропал. Гарри нуждался в ее помощи. Все остальное было показухой, легкомысленной, неуместной, неуместной. В ее расписании не было места любому интересу к Гарри, кроме дружбы.

Она посмотрела на свой чай, оставленный на столе и уже довольно прохладный. Тихо, медленно двигаясь, чтобы не слишком отвлекать Рона от его размышлений, она высвободила свою руку из руки Рона и потянулась за палочкой, намереваясь наложить согревающие чары на свой напиток.

Крик, звучавший так, словно исходил от Тонкс, заставил их обоих немедленно вскочить на ноги, обменявшись встревоженными взглядами, когда они вылетели из комнаты. Гермиона совсем забыла о своем чае.

Крик Тонкс, очевидно, привлек внимание остальных, которые были разбросаны по небольшому комплексу, пока я монополизировала библиотеку, смущенно подумала Гермиона. Аврор сидела за столом в Военной Комнате, сгорбившись над каким-то маленьким предметом, который она сжала так сильно, что костяшки пальцев были прямо.

"Нимфадора!" — воскликнул Ремус, потянувшись к ней, примерно в то же время, когда Гермиона и Рон вошли в комнату. Тонкс дико махнула ему одной рукой, явно показывая, что он

молчит, и наклонилась еще ближе к тому, что она держала.

— Что, во имя Зонко, происходит? — спросил Фред, когда он тоже прибыл в сопровождении МакГонагалл. Гермиона шикнула на него, и в возникшей тишине они услышали голос, хотя он был металлическим и искаженным, как будто доносившимся издалека.

— ... с тобой? Все в порядке? — раздался голос, звучащий металлическим и искаженным, как будто он был произнесен на другом конце провода с плохой телефонной связью. Гермиона вздрогнула от узнавания и почувствовала, как пальцы Рона внезапно сомкнулись вокруг ее пальцев.

— У нас все в порядке, — сказала Тонкс, в ее голосе было заметно уклонение. Наконец Гермиона поняла, что Тонкс держит зеркало, похожее на двустороннее зеркало, которое Гарри получил от Сириуса. "А ты?"

"Папа?" Наконец Рон осмелился сделать полшага вперед, но Гермиона схватила его за руку.

— ...больше нечего сказать... безопасное соединение... — прохрипел усталый голос мистера Уизли за зеркалом. — ...кто-нибудь впустит меня, пожалуйста, Тонкс?

— Абсолютно, сэр, — сказала Тонкс почтительным тоном, каким она бы говорила с самим министром. Зеркало мерцало и трещало, когда соединение было разорвано. Рон опустил на ближайший стул, закрыв лицо обеими руками.

— Слава Мерлину, — сказал он приглушенным голосом. Раздался звук быстрых шагов, и все обернулись, чтобы увидеть, как Фред быстро направляется в лабораторию магазина, чтобы дожидаться прихода отца. Рон встал так же быстро, как и сел, опрокинув стул, и последовал за братом.

— Он давал вам какую-либо информацию о статусе Министерства? — спросила МакГонагалл Тонкс, ее глаза были серьезными и мрачными.

— Министр мертв, — сказала Тонкс, не скрывая лицемерия. Лицо МакГонагалл стало еще мрачнее, и Гермиона закрыла глаза от нового развития событий. Она не могла признаться, что потеряла любовь к Скримджеру, учитывая его поведение по отношению к Гарри, но его смерть определенно не облегчит никому из них жизнь. Это означало, что волшебное правительство фактически обезглавлено. — Артур, по-видимому, смог спрятаться после того, как здание было взято, и передвигаться всю ночь, прячась от Пожирателей Смерти в чуланах, задних проходах и вентиляционных шахтах. Наконец-то он получил зеркало аврора от — от кого-то... — Тонкс запнулась, и Гермиона поняла, что мистер Уизли, должно быть, снял его с мертвого тела. «Он связался с нами, как только смог».

Гермиону захлестнула волна благодарности за то, что мистер Уизли выжил. Она не думала, что Рон или Фред смогут вынести большую потерю. Словно в ответ на свои мысли, она услышала

тяжелые шаги нескольких человек, спускавшихся в Лавку. В комнату вошел мистер Уизли в сопровождении двух своих сыновей, бледный и напряженный. Гермиона лениво подумала, не рассказали ли ему о судьбе его семьи.

— Перси случайно не добрался сюда, не так ли? — спросил он с надеждой.

— Папа, он не знал, где это, — мягко ответил Фред, и мистер Уизли немного поник.

— Пожиратели Смерти специально искали нас. Не могу понять почему. Перси они тоже не могли найти... Я... я надеялся... — он безнадежно замолчал.

— Джинни ранили, — резко выпалил Рон. Мистер Уизли пристально и испытующе посмотрел в глаза своим сыновьям и, казалось, понял то, о чем они ему не говорили.

"Возьмите меня к ней," тихо приказал он, его лицо строго, его глаза прикрыты и решительны в ожидании неминуемой агонии. Он бросил на стол скомканный, порванный кусок газетной бумаги. — Стащил его прямо возле Министерства, — небрежно сказал он Ремусу, прежде чем последовать за Фредом и Роном в комнату Джинни.

Тонкс, Ремус, МакГонагалл и Гермиона быстро собрались вокруг газеты. Гермиона провела руками по мятой бумаге, рассеянно используя палочку, чтобы починить длинный клочок, оторванный сбоку, и увидела, что это была первая полоса «Ежедневного пророка».

Заголовок кричал: МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ, УБИТ; ВОЛДЕМОРТ ЗАХВАТЫВАЕТ МИНИСТЕРСТВО; ТЫСЯЧИ ПОГИБШИХ; БОЛЬШЕ ТЫСЯЧИ БЕГУТ.

Небольшая реклама под датой гласила: «Последний выпуск до дальнейшего уведомления».

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2456977>